

Статья посвящена истории классической архитектурной традиции, которая рассматривается как путь развития смыслов антропогенного пространства от доисторической эпохи до наших дней и как основа дальнейшего преобразования так называемой устойчивой архитектуры. Показывается, что связь с природой, представлениями человека о мире, его эволюции изначально лежала в фундаменте тех явлений творчества зодчих, которые мы сегодня считаем классическими. Они и остаются важнейшими свойствами строительного искусства сегодня, и благодаря им у классики есть будущее.

Ключевые слова: классика; неоклассика; модернизм; постмодернизм; мировая и российская архитектура; перспективы классической культуры. /

The article is devoted to the history of classical architectural tradition, which is considered as a development path of the meanings of anthropogenic space from the prehistoric era to the present day and as a basis for further transformation of the so-called sustainable architecture. It is shown that the connection with nature, human perceptions of the world and its evolution was originally at the root of those architectural works that we consider classical today. They remain the most important properties of construction art today, and thanks to them the classics have a future.

Keywords: classics; neoclassicism; modernism; postmodernism; world and Russian architecture; prospects of classical culture.

Архитектурная классика будущего / Architectural classics of the future

текст

Дмитрий Швидковский
Российская академия
архитектуры и
строительных наук
(Москва)

Юлия Ревзина
НИИ теории и истории
искусства Российской
академии художеств
(Москва)

text

Dmitry Shvidkovsky
Russian Academy
of Architecture and
Construction Sciences
(Moscow)

Yulia Revzina
Research Institute of
Theory and History of Fine
Arts of the Russian Academy
of Arts (Moscow)

Зачем нам то, что прошло? Может быть, не нужно? Современные деловые люди предпочитают настоящее или совсем близкое будущее, рассчитанное на крошечную для истории дистанцию финансовых приобретений. Многие считают, что следует оставить лишь самые яркие памятники ушедших веков, поместить их в современность, как в витрину, за музейное стекло, вне происходящей жизни, а опыт и воспоминания тысяч поколений, и долгую память городов, и следы планетарной истории ландшафтов не замечать. Эти древние знаки не говорят с теми, кто строит настоящее, думая только о себе, даже не о своем поколении и времени жизни, тем более что современность быстро уходит в цифровой мир, в котором другая жизнь, иная история, совершенно отличные от прежних свойства памяти.

Нет, виртуальный новый мир не мертвый, он лишь совсем, радикально иной, и существование в нем так же интересно и содержательно, как и в нашем старом мире, но в нем живем не мы, не те, кто в ходе тысячелетий передавал потомкам свои гены и мысли. Там будут обитать другие существа и здания, построенные на иной энергии, не на биохимическом взаимодействии, как мы, а на произведенной техникой энергии, неживой и нечеловеческой. Язык этих каждое мгновение рождающихся существ искусственный интеллект создаст сам, нам он будет так же непонятен, как древние иероглифы. В этом будущее похоже на прошлое: и то, и другое нам равно малоизвестно. Мы, конечно, пытаемся догадываться, что ушло и что наступает, но не знаем на самом деле, где правда.

Я надеюсь, что наши потомки, или их цифровые двойники, или иные виртуальные существа (кто знает, какими они будут?) деловито и достоверно рассчитают, что выгодно применить опыт прошедших четырех с лишним миллиардов лет и даже последних тысячелетий, когда человеческий разум приобрел собственную, отдельную, созидательную роль в пространстве нашей планеты. И, вероятно, они поймут, что в среде, созданной человеком, в ее истории есть особые сгустки знаний, чувств, памяти, предстающие в устойчивых формах, понятных людям многих веков, то, что называют «классикой» [1]. Не в обыденном, конечно, понимании – не по списку

книг в школьной программе, а в высоком смысле, как то, что лежит в основе души: вечные свойства веры, мышления, видения, творчества.

Когда человек умирает, они продолжают жить в том, что он сделал, и там, где сумел об этом сказать, прежде всего средствами искусств, не одного, многих, любых, всех. Результаты творчества мастера живут для других людей, внутри них, в мысленных образах и в образах зримых, память об их создателях становится классикой, концентрированным выражением пережитых чувств и мыслей, своей красотой охраняемым от смерти. Впрочем, историческая память коротка, утеряно много больше, чем удалось запомнить, и нужно определить, что же сохранилось в нашем сознании и стало его непреходящей основой.

Один из лучших итальянских историков искусства, Сальваторе Сетис, задал вопрос: остается ли «соединение древнеримского, древнегреческого, древнееврейского и раннехристианского наследия» (т. е. то, что сформировало к III–IV векам после Рождества Христова классическую средиземноморскую культуру) [2] фундаментом духовной жизни только для людей Европы или глобализация придала греко-римскому наследию этот статус для китайцев, русских и арабов, сделала это наследие своим для всего мира? Он спрашивал, стало ли классическое начало универсальным фундаментом планетарной души или же оно остается основой только европейского художественного мышления.

От С. Сеттиса ждешь пророческого предвидения судьбы классики, в том числе в архитектуре. Он уходит от прямого ответа, хотя идет в представлении о структуре европейского искусства дальше Эрвина Панофского. Тот предлагал теорию западной художественной культуры как цепи ренессансов, возобновлявших интерес к классике много раз – в эпоху поздней Античности и в различные моменты истории Средних веков, а после Возрождения снова, и в других формах в эпоху барокко, Просвещения и в XX веке. С. Сеттис показал не только преемственность европейской классики, но и ее способность активировать и включить в себя чужое – варварское, экзотическое, пришедшее издалека. Он рассматривает три с половиной тысячи лет, начиная с архаической

Греции до сегодняшнего дня, как постоянное сохранение ствола нашей культуры и непрерывные прививки к нему иных, часто далеких черт.

Перспективы классической культуры он осторожно обозначает как оптимистические, несмотря на угрозы последнего времени. С. Сеттис заканчивает свою книгу, перефразируя знаменитые слова генерала Шарля де Голля, с которых началось французское Сопротивление во время Второй мировой войны: «...классика терпела поражения много раз, но она никогда не проигрывала войну...» Хочется в это верить. Мы должны сопротивляться будущему, чтобы сохранить самих себя и память о тех, кто шел столетиями перед нами, создавая бессмертные памятники искусства. Их следует воспринимать как живых, ведь у Бога все живы. Разве могли умереть Микеланджело или Достоевский? Пока – нет. Человеческие культура и мышление способны умереть, мысли и образы исчезнувших народов мы расшифровываем благодаря удаче или догадке. Дешифрованные, они продолжают в нас жить.

На рубеже третьего тысячелетия радикальные перемены в мире и в России среди многочисленных последствий принесли новый тип отношения к наследию – классике в контексте цифровой цивилизации. Вечные памятники искусств живут теперь в виртуальном мире, созданном воображением в ходе компьютерной игры. И такой тип мышления добавляет небывалые ранее черты к нынешнему и будущему представлению об истории нашего рода и разума.

Классика в мировой и российской архитектуре очень долго была серьезной, выражала в разные эпохи все что угодно: политические лозунги, фамильную честь, собственную гордость, воспоминания о путешествиях, моральные утверждения, память о победах и друзьях, мысли, которые должны были воспитывать наследников или современников, и этот перечень можно было бы продолжать до бесконечности. Реже всего история становилась игрой, а если так происходило, то игрой всерьез, несмешной и невеселой, скорее существенной и назидательной.

В конце XX века подобное извечное восприятие традиционных образов изменилось, торжественное мироощущение неоклассики разрушила самоирония неуверенного в себе и все осмеивающего постмодернистского человечества. В архитектуре классика с легкостью пережила и это, сохранившись среди увлечений начала нового тысячелетия и доказав, что действительно будет жить вечно, и даже иногда и нескудно, в пространстве интеллектуальной игры.

Это произошло потому, что содержание античного идеала потеряло свою идеальность, сохранились лишь формы и образы, привычные и привлекательные в своей досказанности и проверенности веками. Торжественный Рим и гармоническая Греция давно не кажутся местами для прекрасной жизни, все понимают, что жизнь в них была та же, что и сейчас, со всеми качествами, для человека неприятными, которых хотелось бы избежать, да и была она, хотя ярче и отчетливей, чем теперь, но жестче, мучительней, тяжелее и короче.

Перенестись в прошедший, отдаленный век никто не хочет, поскольку твердо знает, что там нет Эдема, а ощутить на себе ошейник раба, а не тогу патриция и не камзол бюргера вероятностей велика. Античность, полтора тысячелетия остававшаяся мечтой, стала конкретной частью грязной человеческой истории, и лишь созданные ею непреходящие формы искусства и архитектуры, как «медь торжественной латыни, поют на плитах, как труба», по словам Александра Блока. Хочется мечтать, что классика снова оживет и станет полноправной живой сутью искусства. Для этого необходимо, чтобы нео-

классический спектакль непрестанно приобретал кровь проекта и плоть осуществления замысла зодчего.

Смысл произошедшего в эпоху авангарда точно передают слова Иосифа Бродского: «Вечер. Развалины геометрии. // Точка, оставшаяся от угла. // Вообще, чем дальше, тем беспредметнее. Так раздеваются догола...» Эти слова показывают суть художественной истории архитектуры XX и XXI столетий. Зодчество в течение XX века отказалось от декоративных одежд, а вместе с ними и геометрической основы, обеспечивавшей гармоничность и тектоническую логику построения этих одежд. После того как Адольф Лоос приравнял орнамент к преступлению, а Питер Беренс создал перед Первой мировой войной аскетический бездетальный ордер, в частности в здании германского посольства в Санкт-Петербурге, легший впоследствии в основу «красной дорики» Ивана Фомина, стало казаться, что классическая традиция радикально изменилась. Еще в большей степени повлиял на восприятие классических образов русский авангард – от утверждений Казимира Малевича и Лазаря Лисицкого о создании ими новой классики до интерпретации античных образов в поздних проектах Ивана Леонидова, исполненных для Южного берега Крыма. Могло представиться, что она пережила преобразование от математически пропорциональной тектоники ордера в тектоническую уравновешенность пространственной композиции. Предметность элементов всех разнообразных систем декора сменилась взаимодействием абстрактных объемов, плоскостей и линий.

Однако после триумфа авангарда в России архитектурная классика быстро, всего лишь через десятилетия, возстал из гроба в своем традиционном облике при создании сооружений сталинского ампира. Дальше было тяжелее: между победой советского модернизма в годы «борьбы с украшательством» и новым, робким появлением классических мотивов в архитектуре начала третьего тысячелетия прошло полвека. За это время мы почувствовали стремительно пришедшую к модернизму усталость, порожденную дискредитацией модернистских ценностей типовым крупнопанельным строительством, обезобразившим всю Россию, а также и обширную часть бывших социалистических государств от Дуная до Янцзы. Несмотря на иной характер исторических процессов, происходивших в архитектуре Западной Европы, США и Японии, и здесь не было найдено системы зодчества, ни в рамках позднемодернистской, ни в контексте постмодернистской парадигмы, способной заменить собой классическую традицию, и на всей планете архитектура как искусство все более склонялась к упадку [3].

Возвращение классической традиции в идущем все дальше времени может принести облегчение, необходимое жизненной среде нашей страны и планеты [4]. Классический идеал не умер: он не исчез, ни разорванный «аккордами громовой симфонии» авангарда, ни задушенный декоративными излишествами сталинского «ампира» или формальностью американского «федерального стиля», ни оскорбленный издевательскими гротесками постмодернизма, ни расчлененный острой геометрией деконструктивизма.

Классика была неповторимо своей для каждой эпохи в ходе человеческой истории. Архитектура во всех хронологических и географических ипостасях создавала зримое выражение непреходящего совершенства, становившегося классикой. Однако и до рождения архитектуры классика представала на нашей планете в характерных чертах биогенеза, создававших условия для наиболее благоприятного развития жизни. Само понятие классики может быть расширено за границы бытия человечества, и можно увидеть ее в ландшафтах, благодаря которым возникли условия для рождения че-

> Стоунхендж

ловека и его цивилизации. И в перспективе классическая архитектура не может не основываться на устойчивых формах биогенеза и сохранения ландшафта.

Архитектура не является лишь чередой разновременных зданий, ансамблей и городов, она создает планетарное пространство, не только среду обитания человека, но и способ его отношения с природой. Цивилизация людей – ее важная, но отнюдь не единственная часть. Если рассматривать архитектуру как деятельность, меняющую облик нашей планеты, то неизбежно приходишь к выводу, что она имеет глобальные ландшафтные, биосферные и ноосферные характеристики.

В течение столетий история накапливала наиболее ценные открытия человеческого разума. Классика первобытной эпохи сумела аккумулировать в монументальных пространственных формах идею времени, земного и космического, и связать их «календарной» геометрией. Античный мир сохранил эти первоначальные идеи в говорящих на цифровом языке классических формах ордеров – греческих, римских, египетских и прочих многочисленных ордерных системах, выросших из календарной геометрии первобытных людей. Чем ближе к нашему времени подходила история, тем более разветвленной, хотя, может быть, и менее значительной, становилась система смыслов архитектуры, выражая конкретные политические события, знание истории, географии, достижения монархов или их любовь. Цельность этой системы почти рассыпалась на мелкие части под действием «умного выбора» времени эклектики и вновь стала набирать монументальное величие в тоталитарной архитектуре XX века, чтобы в конце концов спрятаться под иронией постмодернизма.

Экологическая основа архитектуры возникла безумно давно. Возможно, вместе с рождением самой планеты и формированием ее геологических свойств. Нет, наверное, это уж слишком, так и до Большого взрыва как источника архитектуры недалеко. И всё же, когда возникла архитектура, а в ней – классическое начало? Откуда начинается выбор будущей классики?

Современное понимание архитектуры, ее содержания и предназначения предлагает принципиально новое представление о классике и ее происхождении. Сегодня

зодчество немыслимо без надежды на устойчивость – толерантность к природе, истории, энергии, пространству. Устойчивую архитектуру определяют как ту, что бережет целостность и красоту мира, как в его антропогенной, так и биосферной составляющих. Таким же сегодня может мыслиться и будущее классики, образ которой постоянно менялся и изменяется сейчас вместе с развитием планеты. Классика в нашу эпоху – это процесс создания, смены и накопления свойств совершенства архитектуры, идущий миллионы лет.

Коль скоро речь идет о чем-то, что меняет облик всего нашего мира, неловко говорить о рытье землянок или плетении шалашей как о моменте рождения этого глобального феномена. Архитектура заслуживает, на наш взгляд, более древнего, мощного и одновременно изящного происхождения. Ее великие памятники столь совершенны, что заставляют думать об очень давнем и глобальном плане Создателя, отводящем архитектуре существенную и творческую роль. И нам нужно рассматривать среду обитания человека с самого начала ее существования как биосферу, где постепенно стал доминировать антропогенный фактор, а в нем – совершенная с точки зрения взаимодействия человека и природы типология пространств, имя которой – архитектурная классика. Те, кто окажется в будущем, должны жить в классическом мире. Эта давняя архитектурная мечта, столько раз гибнувшая и возрождавшаяся, может стать императивом развития пространства нашей планеты. Для этого архитектура должна приобрести радикально иное представление о будущем классики. Цифровой культуре необходим очередной архитектурный ренессанс, новый по сравнению с чередой своих предшественников от Каролингского возрождения до многообразной неоклассики XX столетия.

Архитектура родилась вместе с жизнью, в момент, когда организованные группы молекул стали по-новому структурировать приобретенную ими часть земной поверхности и тем самым начали изменять облик планеты. Мы можем считать, что наш мир начался тогда, когда кометы с ледяным сердцем внутри или молнии, ударявшие в неорганические моря, дали рождение живым структу-

< Кромлех Эйвбри
в Англии

рам. Они-то и стали первыми строителями, менявшими смысл и облик окружающего мира.

Чтобы понять происхождение архитектуры, нужно представить невероятную древность процессов совершенствования пространства – биогенного преобразования Земли, длящегося по сей день. Человеческая часть истории планеты сравнительно коротка и не так значительна, как нам подсказывает эгоизм нашего доминирующего в данный момент, но хрупкого биологического вида. Формирование среды обитания усилиями человека по своим масштабам несопоставимо с процессами возникновения и трансформации биосферы.

Важно, что древнейшие биогенные структуры были красивы и, постоянно усложняясь в течение двух миллиардов лет, не только приобретали новые качества, необходимые и эффективные для органической жизни, но и накапливали черты организованной красоты. Они создавали классические ландшафты в каждый из геологических периодов. Этот процесс не прерывался ни с утверждением очертаний континентов, ни с появлением цивилизации, ни с утверждением цифровой культуры и не остановится в будущем.

Вспоминается древний памятник в Англии, расположенный в местечке Арбор-Лоу, забытом Богом и людьми. Чтобы попасть туда, нужно точно знать, где оно находится, а добравшись до искомого пункта, перелезть через низенький забор, разминуться с многочисленными и не слишком дружелюбными овцами и, наконец, подняться на невысокий холм. С него открывается неожиданно широкий, будто бы бесконечный вид на мягко очерченные, уходящие в легкий туман возвышенности и долины. В Арбор-Лоу тоже когда-то был построен круг из каменных столбов и окопан ровом, как в Стоунхендже.

В этом древнем ансамбле, открытом ветрам, камни не удержались и упали, а дожди и внешние воды обточили их, придав неправильную форму. Зато здесь ощущается настоящая подлинность места и его нетронутая магия. Нетрудно было мысленно поднять упавшие камни, но и в этом не было необходимости. И так чувствовалось, что неслучайно тысячи лет назад люди выбрали именно этот холм, чтобы отметить его своим сооружением. В нем собирались, сгущались, фокусировались линии окрест-

ного пейзажа. Там был найден его естественный центр, вбиривший в себя энергию всех мест, которые можно отсюда окинуть взглядом. Лежащие на земле камни сохраняли первоначальный ритм, и он тоже был удивительным образом созвучен ландшафту, что производило захватывающее впечатление.

Древние монументальные сооружения вселяют в душу современного человека уверенность в том, что он тоже часть прекрасной природы. Они дарят веру в способность людей внести свои чувства в естественную красоту и выразить их в антропогенной, живущей многие века форме. Тысячам мощных, тяжелых и чувственных сооружений первобытных людей, разбросанным по нашей планете, прежде всего свойственно единство с природой. Далекие предки умели наполнить ее таинственным, сверхъестественным, магическим смыслом. Знали они, благодаря интуиции и опыту многих поколений, и то, как сделать большее – превратить мир, родившийся естественным образом, в произведение искусства. В результате бесконечных усилий в течение тысячелетий людям, не оставившим о себе письменной памяти, стало доступно понимание сил природы, и произошло соединение их с силами искусства, рожденного человеческим сознанием.

Появление материальных, вещественных форм, созданных человеком, произведений монументального искусства и зодчества всегда находится на грани материального и нематериального. Искусство – духовная деятельность, оно одухотворяет материю, массу и пространство. Неслучайно большинство дошедших до нас древнейших построек не имело утилитарной функции. Часто это были даже не храмы, в которые можно было войти, а составленные вместе огромные, незабываемые каменные монолиты. Первобытные люди создали множество сооружений, открытых окружающему миру и не имеющих интерьеров. Гигантские камни, поднятые один на другой или расставленные в соответствии с желаемым рисунком, направлением, ритмом, становились неотъемлемой частью естественной среды, стержнями природы.

Архитектура не только искусство, но и наука. Может быть, она родилась в тот момент, когда пришло понимание, что красивое правильно. Наше время должно вернуться к первоначальному единству искусства

> Афинский акрополь.
Парфенон

и природы. Оно обязано вновь научиться чувствовать естественные ритмы, энергию, масштаб, заново освоить умение «подхватывать» в своих формах рисунок ландшафта. Предшествующие поколения не только изменили материальный мир, но и оставили нам свои мысли об отношениях искусства и природы, в которых отразились важнейшие научные и художественные представления их времен.

История стала частью природы. Чтобы достичь настоящего, а не сиюминутного успеха, архитектору нужно добиться благосклонности двух вечных существ – природы и истории. Тогда его творчество станет органической частью осмысленного и живого, а не погибающего от пренебрежения экологией и историей пространства. Тогда в нем может родиться подлинная архитектура.

Вспомним то, что понимали древние: некрасиво – значит неправильно. Уродство не спасет мир. Именно в науке о классической гармонии заложены формулы счастливой среды обитания человечества. Это может показаться утопией, наивной выдумкой, надуманной, бездоказательной аксиомой. Но это неверное впечатление. Классический мир до своего разрушения варварами и в средиземноморской Античности, и в Древнем Китае жил в объемлющей человеческое существование красоте, будничной, телесной, созданной множеством народов по-разному, незримой, духовной, породившей христиан-

ский или конфуцианский идеал жизни и ее устройства. Изучая законы классического построения пространства, нужно увидеть классику в различных временах и культурах, попытаться понять не только идентичность каждой из них, но и единство красоты мира, которое открывает множественная классика, соединенная из всех культур, созданных человечеством.

Неудовлетворенность экологическим состоянием и эстетическими чертами жизненной среды стала в наше время непременным свойством восприятия современным человеком существующего мира. Быстрое и неуклонное исчезновение красоты как антропогенной исторической среды городов, так и теряющей свою естественность природы превратилось в одно из привычных свойств сегодняшней цивилизации. Продолжаться так дальше не может.

Не так будет обидно, если особые свойства Земли уничтожит нацеленный в нашу точку пространства миллионы световых лет назад астероид из далекой галактики, хуже если человечество вызовет само свою гибель. Разрушение жизни, создавшей цепь классических культур, в результате избыточного вмешательства потребительской цивилизации станет преступлением нашей сиюминутности перед неслучайным устройством космоса. То, что мы называем классикой, создает уникальность таких планет, как наша, и, возможно, неизвестный нам смысл их присутствия во вселенной. Не хотелось бы, чтобы именно мы, люди, на нашей планете, затерявшейся на краю небольшой галактики, доказали, что биологическая жизнь не может сохранить присущую ей красоту хотя бы на несколько миллиардов лет.

Конечно, все это время красота Земли менялась, приобретая различные ипостаси. И человеческая эпоха отличалась отнюдь не только приспособлением окружающего мира к нуждам homo sapiens, но и непрерывными, следовавшими одно за другим созданиями зримых образов прекрасной планеты. Их разнообразие почти бесконечно, это и рождение мысли и мечтой образов рая: в древнейших садах Востока, в гармонии античных полисов, в высоте духа монастырей и соборов Средневековья, в величии и роскоши резиденций монархов эпохи барокко, в образах новой жизни в городах-садах и в тех произведениях

> Карло Росси. Здание
Сената и Синода.
В перспективе Галерная
улица

^ Анна Остроумова-Лебедева. Колонны Биржи и вид на Дворцовую площадь

^ Джованни Гуэррини, Эрнесто Ла Падула, Марио Романо. Дворец итальянской цивилизации в Риме

строительного дара XX века, где искусство определяло ход жизни, проектируемый мастерами авангарда.

Наш мир еще может возвратиться в прекрасную форму, если мы будем к этому стремиться. Возможна новая классика, основанная на возрождении совершенных образов различных культур. Правда, прагматизм должен тогда смениться стремлением к архитектуре как искусству, и зодчество должно всерьез вернуться к классическим законам, совместив их осмысление в разных краях Земли. И искусство современной эпохи непременно впитает в себя научные идеи и информационные технологии, особенно в архитектуре с ее умением воздействовать на красоту цифровых соотношений. Очевидный смысл будущей классики, если она возникнет в мировом зодчестве, заключен в ее соответствии постулатам экологически, энергетически и исторически дружелюбной нашей планете архитектуры.

Человечеству пора остановиться в разрушительном изменении нашей планеты. Нам нужно повернуть ход истории и начать вновь нанизывать на прочный стержень устойчивой архитектуры кольца классических достижений сменявших друг друга эпох. Нам нечего отбрасывать из происходивших в мировом зодчестве ценных нами художественных событий. Не следует пропускать ни многосложной изысканности рококо, ни напряженной структурности готики, ее умения превратить поразительные инженерные достижения в образы вознесшегося до небес духа, ни гармонии античной классики, соединившей музыкальную математику ордера с неразрывностью сделанного человеком и рожденного природой. И главное – суметь вернуться к создававшимся миллионы лет наблюдениям над землей и космосом – достижениям первоначальной архитектуры, в которой заложены основные законы зодчества.

Новая красота должна начаться с начала, как новый виток спирали великой истории освященных тысячелетиями раздумий о характере и значении отношений природы и человека, о том, как вернуться на истинный классический путь, подаренный людям Создателем, много раз понятый предками и близкий к гибели вследствие нашего пренебрежения к нему.

Я был в афинском Акрополе не раз, с перерывами в несколько лет, и в каждый приезд Пропилеи, Парфенон и Эрехтейон представляли иными, непохожими, трогали другие струны души. Понятно, я менялся, взрослел, старел, меня волновали новые чувства и мысли, удивляет, что и Акрополь, вечный, памятный всем, в нашем веке менялся тоже, в ходе долгих и сложных реставраций. Он поразил меня в первый раз не только тем, что удалось его вживую увидеть, но и своей подлинностью, естественностью россыпи прекрасных камней вокруг него, а потом, через десятилетия, когда были восстановлены фрагменты колонн и древний теплый, живой мрамор соединили с новым белоснежным, сверкающим холодным камнем, мне стало невыносимо. Все было сделано с величайшей тщательностью по самым строгим правилам реставрационной науки и убито ею.

Как страстно хочется вернуть былую красоту, но надо сдерживать свои желания, прошлое не повторится, нельзя входить в святая святых, можно лишь думать о нем, оживлять в мечтах и старательно оберегать камни, составленные и разбитые тысячелетиями.

Литература

1. Швидковский, Д. О. От мегалита до мегаполиса. Очерки истории архитектуры. – Москва : Кучково поле, 2018. – 480 с.
2. Settis, S. The Future of the Classical. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – P. 3.
3. Jencks, Ch. Symbolic Architecture. – London : Academy editions, 1996. – 248 p.
4. Есаулов, Г. В., Швидковский, Д. О., Ревзина, Ю. Е. Прошлое и будущее классической архитектурной традиции. – Москва : Архитектура-С, 2017. – 528 с.

References

- Esaulov, G. V., Shvidkovsky, D. O., & Revzina, Yu. E. (2017). Proshloe i budushchee klassicheskoi arkhitekturnoi traditsii [Past and future of the classical architectural tradition]. Moscow: Arkhitektura-S.
- Jencks, Ch. (1996). Symbolic Architecture. London: Academy editions.
- Settis, S. (2006). The Future of the Classical. Oxford: Oxford University Press.
- Shvidkovsky, D. O. (2018). Ot megalita do megapolis. Ocherki istorii arkhitektury [From megalith to megalopolis. Sketches of the history of architecture]. Moscow: Kuchkovo Pole.